

Шукова Г.В. Современные исследовательские тенденции в области психологии восприятия

ШУКОВА Г.В. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ

English version: [Shukova G.V. Modern research trends in perceptual psychology](#)

Психологический институт РАО, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В современной психологии восприятия выявлены нарастающие тенденции к формированию онтологических исследовательских подходов. Интенсивные методологические поиски ведутся в двух направлениях: в отношении предмета исследования и в отношении объекта исследования. Показано, что онтологизация предмета психологического перцептивного исследования имеет своей целью выявление природных принципов организации психической реальности. Трансформация предмета перцептивного исследования в сторону акцентирования его бытийности является эффективным средством повышения онтологической корректности психологического знания в плане соответствия данных психологической науки изучаемой ею жизни, открывает все более глубокие и сущностные уровни организации психической реальности. С привлечением обширного эмпирического материала проиллюстрирован возникший в современной психологии восприятия интерес к фундаментальному исследованию «новой» перцептивной реальности как одному из вариантов развития современного научного познания. Актуальная задача поиска возможностей анализа активности индивида в естественных условиях получила свое решение в области психологии восприятия в виде формирования особого исследовательского направления, в котором в качестве объектов фундаментального психологического исследования используются «естественные процессы». Строгое изучение реальных стимулов позволяет увидеть новые – не фиксировавшиеся ранее – перцептивные закономерности и тем самым поставить новые исследовательские задачи в отношении целостности восприятия и его природной сообразности.

Ключевые слова: онтологический подход к исследованию психологии восприятия, перцептивный процесс, психическая реальность, эмпирическое исследование, экологическая валидность

Практически любой научный текст, касающийся вопросов изучения восприятия, начинается с напоминания о «классическом» статусе перцептивной проблематики в психологической науке, о многовековой истории ее обсуждения и о непреходящей актуальности исследования перцептивных процессов как уровня реализации фундаментальных оснований психики. Классической и, судя по всему, «вечной» психологической проблематикой являются вопросы восприятия пространства, движения, времени...

Упоминание о вечности здесь не только метафора, уже давно ставшая в обсуждаемом контексте стандартной и отсылающая к древним грекам как родоначальникам познавательной традиции; не только констатация объективной нескончаемости научного поиска, но и переживание некоей

неадекватности затраченных усилий имеющимся сегодня результатам изучения восприятия. И это несмотря на огромный массив эмпирики и интерпретационных решений в отношении конкретики отдельных перцептивных функций, все нарастающий поток публикаций, количество специализированных журналов и конференций! Что есть восприятие? Каковы механизмы этого психического процесса? – эти вопросы сегодня не просто актуальны: актуален поиск радикально новых путей их решения, причем на уровне процессуальности познания в его целостной реальности.

Ничем иным, как неудовлетворенностью имеющимися сегодня теоретическими и методологическими позициями в области исследования перцепции, нельзя объяснить появление в последние годы публикаций о необходимости радикального обновления исследовательской практики в области познавательных процессов. (В других областях психологической науки такие призывы сегодня тоже, впрочем, не редкость...) Одним из основных аргументов здесь выступает констатация потребности академической психологии в повышении экологичности, целостности, онтологичности своего предмета, а значит, и результатов. Огромные возможности реального восприятия, открытые каждому живому существу, в его (восприятия) научном портрете предстают фрагментами рассыпанной мозаики, в той или иной мере искажая представление об оригинале; возможности научного познания, таким образом, не соответствуют возможностям исследуемой реальности [Tyler, 2014]. Именно поэтому «в настоящее время в когнитивной науке мы наблюдаем "прагматический поворот" от традиционного представления о ее предмете к пониманию познания как специальной деятельности, которая направлена на воплощение ("заземление") в окружающей действительности» [Engel et al., 2013, p. 202], которая осуществляется, прежде всего, для того, чтобы осуществилось действие. Отсюда основная задача когнитивной сферы понимается отнюдь не как создание модели мира, а как обеспечение сенсомоторных условий осуществления конкретных («реальных», «живых») действий. «Соответственно, когнитивные процессы и обеспечивающая их нейронная активность должны быть изучены, прежде всего, в отношении их роли в производстве действия» [Там же]. Иными словами, исследование взаимосвязи когнитивной и моторной сфер на отвечающем требованиям экологической валидности материале конкретных действий – это, по мнению авторов цитируемой работы, новая «концептуально жизнеспособная и уже поддержанная большим количеством экспериментальных данных» [Там же] перспектива повышения объяснительного потенциала нейрокогнитивной и когнитивной наук.

В контексте поиска новых исследовательских перспектив интересно отметить развернувшуюся в журнале "Perception" дискуссию об онтологии восприятия как процесса отражения [Koenderink, 2014; Rose, Brown, 2015], которая, кстати, как нельзя лучше актуализирует весь многовековой историографический контекст истории вопроса, поскольку обращается к проблематике – ни много, ни мало! – идеализма и материализма в понимании такого психического процесса, как восприятие. Практически, дискуссия Демокрита с Платоном!

Один из дискутантов заявляет об ошибочности глубоко укоренившегося представления о перцепции, в частности зрения, как отражения: «всевидящее», как принято считать, «око», по его мнению, не является «отражателем» объективной действительности [Koenderink, 2014, p. 1]. Его оппоненты протестуют против такого, как они квалифицируют, «метафизического идеализма» и с позиций «существования объективной материальной действительности» намечают научные подходы, в которых «реальность и когнитивная наука соответствуют друг другу, а не противостоят» [Rose, Brown, 2015, p. 423]. Если отвлечься от метафизических и материалистических реалий данной дискуссии, которые маркируют обсуждаемый нами методологический контекст, то здесь мы опять-таки можем констатировать запрос на повышение экологичности, целостности, онтологичности перцептивного исследования.

Что в современной науке делается для этого? Тенденция к онтологизации изучаемого психического процесса и комплексности исследования психической реальности все чаще и осознаннее находит свое воплощение в исследовательской практике, причем не только на декларативном, но и на конкретном предметно-инструментальном уровне. Яркой иллюстрацией данному тезису служат примеры расширения «классических» тематических рамок исследования, что приводит не только к

повышению онтологичности и экологичности научного продукта, но и намечает новые пути и формы научного поиска. Наиболее последовательным образцом такого решения является концепция восприятия как события, в которой восприятие понимается как «структурированный фрагмент бытия, или событие в жизни индивида», что позволяет рассматривать феномен восприятия «в единстве условий его порождения, существования и развития» [Барабанщиков, 2002, с. 10], в единстве целостного своеобразия психических свойств человека. В силу этого «перцептивный процесс наряду с собственно когнитивным (репрезентация среды, ее схема, план сбора информации и т.п.) приобретает личностный план, включающий перцептивные потребности субъекта, его намерения, отношение к воспринимаемому, установку и др. Предмет исследования меняется. Им становится не чувственный образ как таковой или его отдельные свойства, не перцептивные реакции или действия, не характеристика стимульной информации или когнитивные образования сами по себе, а целостное событие, вызываемое потребностью человека в конкретной чувственной информации» [Там же. С. 11].

Другой пример: «казалось бы, совершенно далекие от пересечений области социальной психологии, когнитивной психологии и психологии развития почти совершенно неразделимы в области социального познания» [Сергиенко, 2009, с. 322]. Так, согласно еще недавно безоговорочно доминировавшей точке зрения, социальное восприятие является процессом, разворачивающимся снизу вверх: человеческий мозг обрабатывает социальные сигналы, на основе чего формируется представление о психическом состоянии другого человека. Сегодня же все больший вес набирает гипотеза о том, что социальное восприятие является результатом соподчинения двух разнонаправленных процессов: нейронной обработки сенсорной составляющей социальной информации и понимания психического состояния другого человека (theory-of-mind system). Следовательно, перцептивная обработка социальных стимулов происходит в комплексе с «обработкой» психических состояний. Даже самые элементарные автоматические реакции на перцептивный социальный стимул опосредствуются сознанием, что «имеет далеко идущие последствия для нашего понимания как здорового социального мозга, так и его психопатологических состояний» [Teufel et al., 2010, p. 376]. В литературе обосновывается задача определения «ключевых областей головного мозга», участвующих в формировании социального восприятия, в целях разработки «нейронных вычислительных моделей» гибкой интеграции восходящей визуальной стимуляции с диапазоном нисходящих процессов социального познания. В ходе такой интеграции «скрытая», то есть не поднимающаяся до уровня перцептивно-интеллектуального суждения, актуализация социального контекста воспринимаемой сцены определяет временные эффекты социального восприятия («мгновенность социального восприятия»), что может иметь такие важнейшие социальные последствия, как отношение электората к участникам предвыборной кампании [Freeman, Johnson, 2016].

Пересечение, казалось бы, неимоверно далеких проблематики перцепции и нравственности [Amit, Greene, 2012; Gantman, Van Bavel, 2016] является еще одним примером продуктивности обсуждаемого нами принципа комплексности в исследовании психической реальности. Экспериментально показана особая роль визуальных образов в формировании моральных суждений [Amit, Greene, 2012]. Две группы испытуемых – лица, для которых в большей степени характерен либо визуальный, либо вербальный когнитивный стиль, – принимали решение о том, одобряют ли они стратегию «козла отпущения» – инициируемых обществом страданий одного человека для достижения блага всех остальных. Задача решалась в трех экспериментальных условиях: визуальные помехи, вербальные помехи, отсутствие каких бы то ни было помех. Выяснилось, что в условиях визуальных помех «кровожадность» нравственного вывода о возможности пожертвовать жизнью человека снижается. Показано, что причиной тому является происходящая в процессе принятия решения визуализация трагических последствий (страдания человека) обсуждаемого поступка, интенсивность которой подавляет возможные влияния осмысления выгод предполагаемой жертвы (блага большой группы людей). «Когда люди обдумывают, возможно ли нанести вред какому-то человеку в целях достижения общего блага, визуальные образы являются тем фактором, который преимущественно определяет вывод о том, что цель не оправдывает средства. Неодобрение деонтологических суждений преимущественно поддерживается визуальными образами» [Amit,

Greene, 2012, p. 861]. Отсюда же и преобладание «некровожадных» суждений у лиц с визуальным когнитивным стилем. Таким образом, в отношении, как их называют авторы, «деонтологических» суждений на основании данных результатов можно говорить о двойном – по крайней мере – опосредствовании процесса нравственного переживания: перцептивном и личностном; снизу и сверху. Более того, включение в этот процесс перцептивной составляющей, да еще и на ведущих ролях, не только открывает новые прикладные перспективы, но и позволяет по-новому взглянуть на духовно-нравственные сферы, традиционно полагаемые как «высшие».

Возможности интеграции биологического, социального и психологического контекста открываются и в рамках эволюционного подхода к исследованию зрительного восприятия человека. В частности, развитие миопии позиционируется как результат специфичной системной организации физиологических и поведенческих процессов в ходе адаптации субъекта к социокультурным условиям. Близорукость понимается как следствие «перестройки работы зрительного анализатора, связанной с селекцией информации в соответствии с предлагаемыми в социальной среде моделями; со снижением собственной поисковой активности при усилении близорукости; с усилением функционирования систем внутренней обработки информации и снижением – систем восприятия и реализации действий» [Дорошева, 2014, с. 83].

В активно развивающейся области исследования восприятия лица разработан подход к изучению Face Perception в терминах когнитивно-коммуникативного процесса, «в котором складываются и развиваются представления об индивидуальности коммуниканта, его оценка и отношение к нему» [Барабанчиков, 2012]. «Когнитивно-эмоциональные взаимодействия при восприятии лиц» [Мещеряков, Ющенкова, 2011] – еще один пример обеспечения комплексности исследования в целях повышения его внешней валидности.

Ярчайшим образцом обсуждаемых методологических тенденций является использование принципов фрактального анализа психической реальности – бурно развивающееся исследовательское направление, возникшее в 1980-е гг. [Mandelbrot, 1982]. Сегодня «нарастающим темпом исследуются когнитивные процессы, эмоции, социальные взаимодействия, функционирование языка и многое другое» [Пьянкова, 2016]. Применение фрактальных моделей в эмпирических исследованиях восприятия фракталов как естественного, так и искусственного происхождения означает не просто расширение предметного поля психологии. Нет, дело здесь все в том же желании «оживления» исследуемого процесса, полагаемого как целостный и практически «натуральный» психический акт; в поиске базовых принципов организации психической реальности. Идеи фрактальной геометрии, наложенные на перцептивный процесс, позволяют увидеть его в целостности и природной сообразности.

Итак, мы видим, что происходящая на наших глазах трансформация предмета перцептивного исследования в сторону акцентирования его бытийности является эффективным средством повышения онтологической корректности психологического знания в плане соответствия данных психологической науки изучаемой ею жизни, открывает все более глубокие и сущностные уровни организации психической реальности.

Существует, однако, – и сегодня достаточно активно практикуется – и другое решение вопроса о новой методологии психологии восприятия. Поиск возможностей анализа активности индивида в естественных условиях – а на необходимости этого настаивал еще Н.А.Бернштейн [Бернштейн, 1997] – до сих пор является одной из самых актуальных задач науки. И если перцептивные исследования в «естественных условиях» пока еще трудно представить в силу отсутствия в таковых условиях возможностей для строгого контроля переменных, то работы, в которых в качестве объектов исследования используются «естественные процессы», встречаются все чаще. Этот тезис подтверждает несколько курьезное, но при этом стопроцентно трендовое практически по всем параметрам (проблема, ее новизна, объект, дизайн, методы обработки данных...) исследование эффекта использования современными женщинами декоративной косметики [Jones, Kramer, 2015], опубликованное в авторитетнейшем научном журнале.

Подавляющее большинство женщин в развитых обществах используют декоративную косметику, пытаясь тем самым, как считается, скорректировать уровень привлекательности своего лица. При этом научных данных о том, насколько косметические декоративные средства справляются с возложенными на них задачами, не существует. Для восполнения этого пробела авторы обсуждаемого исследования использовали подход так называемой новой статистики для определения эффекта привлекательности лица как для каждой из женщин-моделей (сравнивались их изображения с макияжем и без макияжа), так и между ними. Затем фотографии предъявлялись второй группе участников, которые оценивали их по уровню привлекательности. Выяснилось, что доля дисперсии привлекательности, объясняемая индивидуальными особенностями внешности женщин, выступавших в исследовании в роли моделей, была значительно больше, чем дисперсия в силу применения декоративной косметики. Этот результат остался неизменным и после статистического контроля различий между участницами-моделями в степени интенсивности для стороннего наблюдателя практикуемого ими макияжа. Авторы делают вывод о том, что декоративные косметические средства увеличивают привлекательность весьма незначительно, а обыденное сознание явно завышает их эффективность [Jones, Kramer, 2015].

Несмотря на то что данная работа (как, впрочем, и любая другая) вызывает ряд вопросов – это касается, к примеру, и априорного, исходя из здравого смысла, определения психологической функции декоративной косметики, и странного игнорирования социокультурных и кросскультурных аспектов обсуждаемой проблемы, – все это не отменяет ее онтологической направленности, а значит, современности и актуальности.

В обсуждаемом контексте онтологизации эмпирического психологического исследования перцепции напрашивается параллель между психологией и историей. Одним из ведущих исследовательских направлений в исторической науке последних лет является история повседневности – налицо, таким образом, расширение (точнее, явное «снижение») предмета познания, которым становятся не только глобальные процессы на уровне государств, наций, королей и президентов в критические моменты истории, но и повседневная (рядовая, обычная) жизнь людей в ее материальных и социальных проявлениях. Может быть, и когнитивная психология решила последовать этому примеру: повысить уровень своей конкретности, индивидуальности, экологичности и, тем самым, социальной востребованности, максимально (насколько, конечно, это возможно) приблизившись к «живой жизни»?

Тем более что сегодня у всех на слуху пример весьма удачного подражания психологии истории: обратившись, так же, как и историки, к нарративу, психологи обрели новое исследовательское пространство, а значит, расширили свои возможности все более тонкого познания психики. Исследование «повседневных» когнитивных (перцептивных) процессов в их конкретике, максимально бережно перенесенной «из жизни» в лабораторию, позволяет увидеть новые – не фиксировавшиеся ранее – варианты организации нейронных и психических процессов и тем самым поставить новые исследовательские задачи.

Здесь важно отметить, что речь идет о приоритете сугубо фундаментальной исследовательской интенции в отношении когнитивной «повседневности», когда целью работы является не выработка прикладных рекомендаций (которые, конечно же, ничуть не возбраняются), а приращение «чистого» знания. Чаще всего «повседневно-ориентированные» авторы приходят к выводу о том, что механизмы организации и функционирования исследовавшейся ими перцептивно-интеллектуальной системы (конкретного процесса восприятия конкретной стимуляции: реальной фотографии, игровой карты, шагов человека...) «остаются неясными» [Parrott et al., 2014, p. 647]. Но «наши результаты показывают, что строгое изучение реальных стимулов ("real-world stimuli") может пролить свет на восприятие обычных предметов, а также помочь в понимании магии ума» [Olson et al., 2012, p. 268]. Иными словами, изучение конкретного перцептивного процесса в его максимально достижимой естественности открывает неведомые ранее процессуальные реалии.

Именно в этом и заключается смысл разговора о когнитивной «повседневности». Ведь и чтение, и восприятие лица, и слушание музыки и т.п. – все это более чем «повседневные» процессы, являющиеся при этом традиционным объектом, в частности, перцептивного исследования. Все «в принципе повседневное» давно и подробно исследуется, так зачем же говорить об этом отдельно? Затем, что есть, как выясняется, разница между исследованием психического процесса «в принципе» и «в конкретике».

Кстати, бывает, что тематика «повседневности» весьма характерно проявляется уже в заголовках соответствующих журнальных публикаций, в которых сталкиваются академический и бытовой (но не прикладной!) контексты изучаемой реальности: «"Чужой" в лесу (The Alien in the Forest), или Когда прежний опыт определяет восприятие» [Kornmeier, Mayer, 2014]; «Зачехляем клюшки и берем по сигаре (Close, and a Cigar!) – Почему восприятие величины определяет успешность деятельности» [Cañal-Bruland et al., 2012].

Иллюстрацией указанных тенденций могут служить следующие исследования:

– Взаимосвязь прежнего опыта и восприятия. На фотографиях, полученных некими немецкими фотографами в естественных природных условиях, был запечатлен «странный гуманоидоподобный объект ростом около 10 см. Его загадочная внешность и факт появления в плотно заселенной местности породили ряд паранормальных объяснений». Авторы же, проанализировав изображения, предложили объяснение, не требующее пересмотра современной физической картины мира, при этом отметив, что главное, что их заинтересовало в этой истории, – это показательный случай осуществления в реальной жизни ("real-world example") порождающих возможностей человеческого восприятия. На этом примере авторы обсуждают, как воспринимающая система использует пространственные и временные факторы прежнего опыта в условиях неоднозначной и ограниченной сенсорной информации [Kornmeier, Mayer, 2014].

– Зависимость восприятия графической информации от ее пространственного положения. Гистограммы и диаграммы являются сегодня весьма распространенным способом представления информации в различных контекстах: это и научные тексты, и бизнес-презентации, и печатные СМИ. Особенности их создания / размещения на странице (слайде) на уровне осознания определяются почти исключительно требованиями эстетики. Исходя из известного факта о связи левой и правой позиций обычного изображения числового континуума с, соответственно, более низкими и более высокими числовыми значениями, авторы предположили, что адекватность восприятия представленной на графике информации о росте или убывании каких-либо параметров определяется местом его (графика) размещения на странице. Испытуемые решали задачу визуального поиска на экране, в каждом из квадрантов которого находилось по одной гистограмме (диаграмме). Показано, что в верхнем правом квадранте селективно замедляется обнаружение гистограмм и диаграмм разброса с отрицательной динамикой визуальной информации; а в верхнем левом квадранте – с положительной, причем это верно только для гистограмм. Иными словами, в верхней правой и в верхней левой позициях плоскости изображения затруднено восприятие определенных графических стимулов. Почему так? – именно это, как отмечалось выше, и «остается неясным», но где поместить график – вы теперь знаете [Parrott et al., 2014].

– Роль размера экрана в восприятии кинофильма. Широкие современные возможности индивидуального просмотра кинофильмов, которые, казалось бы, должны были сделать кинотеатры ненужными, тем не менее не привели к исключению посещения кинотеатра из списка популярных видов досуга. Почему? Авторы цитируемой работы считают, что одной из причин этого является огромный физический размер экрана в кинотеатре, создающий эффект погружения в происходящее на экране. Как связаны размер экрана и впечатление от просмотра? Испытуемые смотрели одинаковые видеоролики в трех экспериментальных средах: 1) дисплей монитора, 2) реальный кинотеатр, 3) модель кинотеатра, обеспечивающая перцептивные условия (угол обзора) поступления визуальной информации, сравнимые с реальными. В последнем случае эффект просмотра был сопоставим с опытом реального кинотеатра в отношении интенсивности

переживания происходящего. Дисплей монитора такого эффекта не обеспечивал. Более того, авторы разработали модель перцептивных условий кинотеатра, позволяющую отдельно моделировать параметры угла зрения и дистанции между экраном и зрителем; оба варианта дали результаты, аналогичные указанным выше. Таким образом, функция большого экрана заключается в создании эффекта «погружения», однако угол обзора не влияет на оценку качества видеопроизведения [Baranowski, Hecht, 2014].

– Слуховое восприятие шагов человека. Когда человек слышит шаги другого человека, он способен мгновенно определить, кто это: таков всем известный пример слухового восприятия биологического движения. Несмотря на повседневность и обыденность такого опыта, «исследование этого явления находится в начальной стадии по сравнению с визуальным восприятием биологического движения». Авторы задались вопросом о различиях в восприятии слуховой информации о движении объектов биологического и небиологического происхождения, предположив, что ритм шагов складывается в индивидуально специфичную временную структуру ударных звуков, что облегчает опознание субъекта движения в условиях исключительно слуховой стимуляции. Использовались три экспериментальных условия: звуки шагов, звуки подскакивающего от пола мяча, звуки барабана. «Неожиданно оказалось, что восприятие звуков шагов не является приоритетным по отношению к восприятию звуков небиологического происхождения». Во второй серии эксперимента те же стимулы были представлены попарно, причем в ряде из них временные паттерны ударных звуков были приведены в соответствие либо звукам шагов (мяч прыгает в ритме шагов), либо звукам мяча или барабана (шаги в ритме, типичном для барабана). Участники решали задачи распознавания звуков ходьбы. Показано, что как временные, так и невременные параметры аудиопрезентации имеют важное значение в опознании объекта восприятия. Интервал между шагами является фактором опознания человека в процессе слухового восприятия [Cottrell, Campbell, 2014].

– Перцептивные и когнитивные характеристики обыкновенных европейских игральных карт. Были измерены их видимость, запоминаемость, привлекательность, вербальная и визуальная доступность. На основе параметров видимости и запоминаемости были выделены четыре группы карт: туз пик, другие тузы, номерные карты, карты с лицами. В каждой из этих групп объекты практически не различались, несмотря на вес и масть. На основе параметром привлекательности и доступности были выделены три дополнительные группы: туз червей, королева червей, король червей. Были выявлены несколько интересных закономерностей запоминания и опознания карт. «Некоторые из них были похожи на эффекты, обнаруженные в исследованиях зрительного восприятия, в то время как другие оказались совершенно новыми». Это, по мысли авторов, означает, «что строгое изучение реальных стимулов («real-world stimuli») может пролить свет на восприятие обычных предметов, а также помочь в понимании магии ума» [Olson et al., 2012, p. 268].

– Связь восприятия величины с успешностью деятельности. Когда бейсболист подает мяч, гольфист направляет мяч в лунку, а игрок в дартс – дротик в мишень, во всех этих случаях успешные игроки визуально оценивают размер целевого объекта, что, в частности, и позволяет им добиваться высокой эффективности в игре. Эмпирических данных об этом «интригующем феномене» накоплено немало, но процессы, лежащие в основе данного эффекта, пока не описаны. В экспериментальном исследовании метания дротика получены данные о том, что вариативность каждого конкретного игрока в успешности поражения мишени может служить основанием для формирования его личной метрической шкалы оценки размера. Этим можно объяснить, почему меткие игроки воспринимают мишень большей по размеру, чем их менее успешные партнеры. Иными словами, более высокая эффективность при игре в дартс связана с тем, что в перцептивном пространстве игрока размер воспринимаемой мишени увеличен [Cañal-Bruland et al., 2012].

– Кросс-сенсорные соотношения и наивные представления о природных явлениях. Известно, что кросс-сенсорные соотношения автоматически негативно сказываются на результативности даже тщательно спланированных лабораторных задач в условиях жесткого контроля переменных. А какова их роль в естественных условиях? Может быть, именно кросс-сенсорные соотношения

являются причиной формирования некоторых популярных неверных представлений о природных явлениях? Автор наглядно демонстрирует, как соотношения между кажущейся легкостью объекта и его либо весом, либо издаваемыми звуками генерируют не соответствующие действительности представления как о массе и движении объектов, так и о вокализациях животных. В частности, в обыденном сознании сформировались представления о том, что чем темнее объект, тем он тяжелее в сравнении с его более светлыми вариантами, что скорость свободного падения выше скорости катящегося по столу объекта, а вокализации животных, когда они происходят в реальной жизни, воспринимаются как более низкие тона [Walker, 2012].

Итак, налицо явный интерес к фундаментальному исследованию «новой» перцептивной реальности как одному из вариантов развития современного научного познания. Приведут ли новые («повседневные») объекты к открытию нового предмета исследования? – проживем-увидим. Позволит ли онтологизация предмета психологического перцептивного исследования приблизиться к пониманию природных принципов организации психической реальности? – и здесь сегодня нет однозначного ответа.

Выявленные тенденции отражают интенсивность методологических поисков в современной психологии в направлении формирования онтологической исследовательской парадигмы. Поскольку, по словам «постнеклассического» классика, «психологию больше, чем другие науки, характеризует принцип "все в одном, одно во всем". В ней целостность описания явления – это одновременно идеал и цель, но также и путь, следуя которому только и можно получить заслуживающие внимания и доверия результаты» [Зинченко, 2008, с. 9].

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 16-06-00574.

Литература

Барabanщиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.

Барabanщиков В.А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Институт психологии РАН, 2012.

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. В кн.: В.П. Зинченко (Ред.), Биомеханика и физиология движений. М.: Институт практической психологии, 1997. С. 342–460.

Дорошева Е.А. Эволюционный подход к вопросам формирования близорукости: перестройка зрительного анализатора как адаптация к социокультурным условиям. Экспериментальная психология, 2014, 7(3), 83–97.

Зинченко В.П. Общество на пути к «человеку психологическому». Вопросы психологии, 2008, No. 3, 3–10.

Мещеряков Б.Г., Ющенкова Д.В. Когнитивно-эмоциональные взаимодействия при восприятии лиц. В кн.: В.А. Барabanщиков (Ред.), Современная экспериментальная психология. М.: Институт психологии РАН, 2011. Т. 2, с. 145–163.

Пьянкова С.Д. Фрактально-аналитические исследования в психологии: особенности восприятия самоподобных объектов. Психологические исследования, 2016, 9(46), 12. <http://psystudy.ru>.

Сергиенко Е.А. Эволюция взглядов и революция в когнитивной психологии развития. В кн.:

А.Л. Журавлев, Т.Д. Марцинковская, А.В. Юревич (Ред.), Прогресс психологии: Критерии и признаки М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 319–333.

Amit E., Greene J.D. You see, the ends don't justify the means visual imagery and moral judgment. *Psychological Science*, 2012, 23(8), 861–868.

Baranowski A.M., Hecht H. The Big Picture: Effects of Surround on Immersion and Size Perception. *Perception*, 2014, 43(10), 1061–1070. doi:10.1068/p7663.

Cañal-Bruland R., Pijpers J.R., Oudejans R.R.D. Close, and a Cigar! – Why Size Perception Relates to Performance. *Perception*, 2012, 41(3), 354–356. doi:10.1068/p7255.

Cottrell D., Campbell M.E.J. Auditory Perception of a Human Walker. *Perception*, 2014, 43(11), 1225–1238. doi:10.1068/p7669.

Engel A.K., Maye A., Kurthen M., König P. Where's the action? The pragmatic turn in cognitive science. *Trends in Cognitive Sciences*, 2013, 17(5), 202–209. doi:10.1016/j.tics.2013.03.006.

Freeman J.B., Johnson K.L. More Than Meets the Eye: Split-Second Social Perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 2016, 20(5), 362–374.

Gantman A.P., Van Bavel J.J. See for Yourself: Perception Is Attuned to Morality. *Trends in Cognitive Sciences*, 2016, 20(2), 76–77.

Jones A.L., Kramer R.S.S. Facial Cosmetics Have Little Effect on Attractiveness Judgments Compared with Identity. *Perception*, 2015, 44(1), 79–86. doi:10.1068/p7904.

Koenderink J. The all seeing eye? *Perception*, 2014, 43(1), 1–6.

Kornmeier J., Mayer G. The Alien in the Forest OR When Temporal Context Dominates Perception. *Perception*, 2014, 43(11), 1270–1274. doi:10.1068/p7844.

Mandelbrot B.B. The fractal geometry of nature. New York, NY: Freeman, 1982. Рус. пер.: Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.

Olson J.A., Amlani A.A., Rensink R.A. Perceptual and Cognitive Characteristics of Common Playing Cards. *Perception*, 2012, 41(3), 268–286. doi:10.1068/p7175.

Parrott S., Guzman-Martinez E., Ortega L., Grabowecky M., Huntington M.D., Suzuki S. Spatial Position Influences Perception of Slope from Graphs. *Perception*, 2014, 43(7), 647–653. doi:10.1068/p7758.

Rose D., Brown D. Idealism and Materialism in Perception. *Perception*, 2015, 44(4), 423–435. doi:10.1068/p7927.

Teufel C., Fletcher P.C., Davis G. Seeing other minds: attributed mental states influence perception. *Trends in Cognitive Sciences*, 2010, 14(8), 376–382.

Tyler C. Review: Possibilities of Perception. *Perception*, 2014, 43(4), 353–354. doi:10.1068/p4304rvw.

Walker P. Cross-Sensory Correspondences and Naive Conceptions of Natural Phenomena. *Perception*, 2012, 41(5), 620–622. doi:10.1068/p7195.

Поступила в редакцию 16 июля 2016 г. Дата публикации: 15 декабря 2016 г.

Сведения об авторе

Шукова Галина Валерьевна. Кандидат психологических наук, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: shookova@yandex.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Шукова Г.В. Современные исследовательские тенденции в области психологии восприятия.

Психологические исследования, 2016, 9(50), 9. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Шукова Г.В. Современные исследовательские тенденции в области психологии восприятия // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 50. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1352-shukova50.html>

[К началу страницы >>](#)